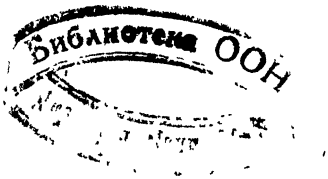
DK
511



„Пров 38“

404
37

Вепрева пустынь.

Историческій очеркъ

А. А. Титова.

Вепрева пустынь—село въ Ростовскомъ уѣздѣ, Карашской волости, при озерѣ Вепрѣ и р. Ремжѣ, въ 35 верстахъ отъ Ростова. Каменная одноглавая церковь села сооружена въ 1822 году, съ двумя престолами: Успенія Пр. Богородицы и Свят. Николая, на мѣстѣ прежде бывшихъ трехъ деревянныхъ церквей, изъ которыхъ двѣ сгорѣли около 1790 г., а третья была замѣнена нынѣ существующею. Мѣстное преданіе говоритъ, что, когда Успенская деревянная церковь сгорѣла со всей утварью, то среди пожарища была найдена подъ пепломъ въ цѣлости нисколько не поврежденная восковая свѣча, стоявшая до пожара передъ мѣстной иконой Успенія Божіей Матери Въ настоящее время эта свѣча, вмѣстѣ съ иконой, составляетъ предметъ особеннаго почитанія богомольцевъ, во множествѣ стекающихся сюда даже изъ весьма отдаленныхъ мѣстностей. Вообще вѣрованіе въ Чудотворную храмовую икону Успенія Божіей Матери и стоящую предъ ней свѣчу въ народѣ очень сильно, такъ какъ отъ этихъ святочтимыхъ предметовъ, какъ намъ лично передавали мѣстные крестьяне, было не мало чудесныхъ исцѣленій. Старыхъ вещей и вообще чего либо замѣчательнаго въ церкви нѣтъ. Надгробные камни, находившіеся близь храма, по словамъ старожиловъ, употреблены при постройкѣ въ 1821 году новой церкви; а ихъ было нѣсколько и притомъ съ надписями вязью. При вырытіи же фундамента для новаго храма было найдено одинъ, или два каменныхъ гроба, но куда они дѣвались, т. е. употреблены-ли какъ и надгробные камни при постройкѣ, или же оставлены на прежнемъ мѣстѣ, намъ не удалось разузнать. Время основанія Вепревой пустыни, какъ монастыря, неизвѣстно, но она существовала уже въ весьма отдаленныя времена.

Мо (Ст)

По словамъ уважаемаго Ярославскаго историка В. И. Лѣствицына, здѣсь былъ женскій монастырь, основанный, по преданію, въ XV вѣкѣ княгиней Пріимковой, урожденной Гвоздевой (въ монашествѣ Евпраксіи), въ которомъ она скончалась и погребена [1]).

По другой-же рукописи эта мѣстность получила свод нава будто-бы отъ того, что въ XV в., на берегу находящагося вблизи озера, Ростовскій князь Семенъ Юрьевичъ Ворона [2]) убилъ огромнаго вепря. Жена этого князя княгиня Ѳеодора, была увезена княземъ Василіемъ Юрьевичемъ Шемякой. По преданію, княгиня Ѳеодора поступила впослѣдствіе въ монашество и основала здѣсь монастырь, который вскорѣ сгорѣлъ, но былъ возобновленъ княжной Ульяной, дочерью князя Ѳеодора Дмитріевича Пріимкова [3]) и княжной Маріей, дочерью князя Григорія Ивановича Темкина [4]). Во всякомъ случаѣ, Вепрева пустынь относится къ числу самыхъ древнѣйшихъ по селеній Ростовско-Суздальской области. Такъ намъ извѣстно, что Василій Вепревъ (можетъ быть владѣвшій этою мѣстностью и получившій отъ нея прозвище свое) упоминается въ договорной грамотѣ Василія Темнаго съ Шемякою 1440 года. Упомянутый Вепревъ, какъ человѣкъ богатый, одолжалъ князей большою казною, о чемъ говориться въ духовной грамотѣ Ивана Борисовича Волоцкаго, 1504 года. Ѳеодоръ Васильевичъ Вепревъ упоминается въ грамотѣ Ѳеодора Борисовича, въ 1525 году [5]) Сохрынившіеся письменные акты подтверждаютъ, что монастырь существовалъ уже при царѣ Грозномъ, «при которомъ построена (та) пустынь з Горицкимъ монастыремъ вмѣстѣ и дана имъ ево государская грамота» [6]) Очевидно, Вепрева пустынь существовала и до Грознаго, такъ какъ Горицкій монастырь, находящійся въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, основанъ, какъ говоритъ преданіе, супругою Великаго Князя Дмитрія Ивановича Донскаго и существовалъ уже въ первой поло-

---

[1]) Поѣздка на съѣздъ археологовъ В. И. Лѣствицына, стр. 32.

[2]) Сынъ князя Юрія Ивановича Нѣмого—Голенина, упоминаемаго подъ 1400 г.

[3]) Ѳеодоръ Дмитіевичъ Пріимковъ—Бахтіаръ упоминается подъ 1545 г.

[4]) Упоминается подъ 1562 г.

[5]) Владимірскія Губерн. Вѣдомости, 1855 г.

[6]) См. ниже приложеніе 1-е.

винѣ XIV в., что видно изъ житія св. Димитрія Прилуцкаго, подвизавшагося въ этой обители. Можно, поэтому, заключить, что царь Іоаннъ Грозный построилъ только необходимыя зданія и церкви, или тогда сгорѣвшія, или бывшія въ обветшаломъ состояніи. Одинъ изъ игуменовъ Вепревой пустыни Арсеній упоминается подъ 1546 годомъ. Въ писцовыхъ книгахъ Переславскаго уѣзда [1]) «письма и мѣры Андрея Загряжскаго да подъячего Гаврилы Володимерова 152 и 153 году (1644—1645)» значится, что «въ Канецкомъ стану въ вотчинахъ написано: «монастырь Пречистыя Богородицы на озере Вепре и на мо«настыре церковь Успенія Пречистыя Богородицы древяна «верхъ, да другая церковь теплая Николы Чудотворца древ«вяна клѣцки съ трапезою, а въ церквахъ Божие Милосердие, «Деисусы и двери царския и образы местные и сосуды цер«ковные, и ризы, и книги, и колокола, и всякое церковное «строенье монастырское, да на монастыре же две житницы, а «около монастыря ограда взаметехъ, да ворота святые, да за«монастыремъ-же дворъ конюшенной, дворъ слугъ монастыр«скихъ, да въ монастыряхъ пашни паханые, монастырския «средния земли двенадцеть четвертей, да лесомъ поросло че«тыре четверти въ полъ, авдву потомужъ. Да ктомужъ мона«стырю рыбный ловель озеро Вепрево, да половина озерка «малаго; а другая половина того озерка Чудова монастыря; да «тогожъ монастыря вотчина селцо Дертникъ, а к селцу припу«щено впашню пустошь, что была деревня Кривая слободка, «Алагузово, да пустошь, что была деревня Юрино, да пустошь «Палихина, да пустошь Лучинское...». Нѣкоторое время Вепрева пустынь находилась въ завѣдыванія Переславскаго Горицкаго монастыря. «Въ 1687 году, февраля 28 дня, Великіе Государи Петръ и Іоаннъ Алексѣевичи вмѣстѣ съ царевной Софіею слушали въ Даниловскомъ монастырѣ, въ кельѣ Архимандрита, записку о Вепревой пустыни, и утвердили оную за Даниловскимъ Переславскимъ монастыремъ», который и владѣлъ ею, какъ приписною пустынью, вплоть до 1764 года, т. е. до введенія духовныхъ штатовъ. Когда Императоръ Петръ Великій (въ 1701 году) повелѣлъ прислать изъ Данилова монастыря четвертую долю всѣхъ колоколовъ на пушечный заводъ, для

---

[1]) Выпись изъ этихъ писцовыхъ книгъ нач. XVIII в. находится въ Ростовскомъ Музеѣ Бѣлой Палаты.

передѣлки ихъ на пушки, нужныя для войны съ Карломъ XII, то во исполненіе указа Даниловскій архимандритъ Варсоломей, при запискѣ стряпчему Михайлу Павлову, послалъ семь колоколовъ, вѣсомъ 213 п. 18 ф., изъ 854 п. 19 ф; да изъ Вепревой пустыни послано было имъ-же 3 колокола, въ 3 п 32 фунта вѣсомъ [1]) По вѣдомости Даниловскаго монастыря 1754 года за Вепревой пустынью числилось 12 четвертей пашенной крестьянской земли, 20 четвертей перелога, лѣсу непашеннаго 82 десятины и 1230 копенъ сѣна [2]). Въ синодикѣ Вепревой пустыни конца XVII в. занесены, между прочимъ, имена игуменовъ: Іемеліана [3]), Іоны, Никифора и Пафнутія [4]) (Л 32). Изъ болѣе именитыхъ людей въ Синодикѣ записаны: родъ князя Никиты Ивановича Репнина (Л. 39), родъ именитаго человѣка Григорія Дмитріевича Строгонова, родъ Герасима Бѣльскаго (Л. 39 об.), родъ окольничьяго Михаила Васильевича Собакина (Л. 40), родъ думнаго дьяка Іакова Кирилова (Л. 40 об.) и др.

Въ настоящее время въ церкви села Вепревой пустыни никакихъ документовъ не имѣется, такъ какъ весь архивъ былъ увезенъ въ Переяславскій Даниловскій монастырь, а оттуда въ архивъ Владимірской Духовной Консисторіи, гдѣ и до сего времени сохраняется этотъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи пустыни.

Изъ игуменовъ Вепревой пустыни намъ извѣстны слѣдующіе: Арсеній (1546 г.) Антоній (1551 г.), Арсеній (1562 г.), Адріанъ (1599 г.), Мартирій (1615 г.), Мисаилъ (1623 г.) Іемеліанъ (—), Іона (1645 г.); строители: Діонисій (1656 г.), Моисей (1661 г.), Игнатій (1663 г.), Моисей (1666 г.), Пахомій—игуменъ (1671 г.), Авраамій (1672 г.), Никифоръ (1675 г.), Пафнутій (—), Левкій (1676 г.), Герасимъ (1677 г.), Петръ (1679 г.) [5]), Зосима (1683 г.), Варсонофій (1686 г.), Дороѳей (1687 г.), Даміанъ (1713 г.), Исаакій (—).

Въ приложеніяхъ къ изложенному историческому очерку Вепревой пустыни мы считаемъ нужнымъ помѣстить: 1) подлинную жалованную грамоту 1687 года, данную царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами Троицкому Данилову Переславско-

---

[1]) Описаніе Даниловскаго монастыря, 1860 года, стран. 80-я.
[2]) Тамъ-же, стран. 72.
[3]) У Строева нѣтъ.
[4]) У Строева нѣтъ.
[5]) У Строева нѣтъ.

му монастырю. Грамота эта принадлежитъ И. А. Вахромѣеву и находится теперь въ Ростовскомъ Музеѣ Церковныхъ Древностей (по описи Музея № 15), 2) легендарную исторію начала Вепревой пустыни, сообщенную А. Я. Артыновымъ, съ несомнѣнными слѣдами древне-русской сказки «О семи Семіонахъ—родныхъ братьяхъ», упоминаемой В. И Лѣствицынымъ при описаніи села Семибратова, Ростовскаго уѣзда [1]).

Приложенія.

I.

Божіею милостію мы Великіе Государи Цари и Велиніе Князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ и Великая Государыня Благовѣрная Царевна и Великая Княжна Софіа Алексѣевна всея великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцы пожаловали изъ Переславля Залѣсскаго Живоначальныя Троицы Данилова монастыря Архимандрита Варѳоломея з братіею и кто по нихъ въ томъ монастырѣ иные архимандриты и братія впредь будутъ велѣли имъ Переславскаго уѣзду Залѣсскаго на приписную ихъ Вепреву пустыню со крестьяны и съ пашнею і съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всѣми угоди дать сію нашу Государскую жалованную грамоту для того въ прошломъ во 190 (1682) году по указу брата нашего государскаго блаженные памяти Великаго Государя Царя и Велинаго Князя Ѳеодора Алексѣевича всѣя великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца та Вепрева пустыня приписана къ Данилову монастырю и велено было имъ на ту пустыню дать ево брата нашего государскаго блаженныя памяти Великаго Государя а послѣ ево преставленія наша государская жалованныя грамоты и была та пустыня къ Данилову монастырю вприписи іюля по 9 число 190 году, а во 190 году іюля въ 9 день били челомъ имъ Великимъ Государемъ Вепревы пустыни вочинные крестьяне старосга Андрюшка Васильевъ с товарищи въ прошлыхъ де годѣхъ по указу прадѣда нашего Государскаго блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича всея Росіи построена та пустынь з Горицкимъ монастыремъ вмѣсте и дана имъ ево государская жалованная грамота что ей со всякими угоди быть

---

[1]) Поѣздка на съѣздъ Археологовъ В. И. Лѣствицына, стр. 20.

особно и со того времени ни к которому монастырю та пустыня в приписи не была а нынѣ де учинилась въ припискѣ къ Данилову монастырю и архимандритъ де со слугами ту пустыню раззоряютъ и братью разогнали и жалованную грамоту и писцовые выписи и всякія крѣпости взяли къ себѣ и чтобъ той пустынѣ быть по прежнему особо и жалованную грамоту и выписи и всякіе крѣпости отдать и по нашему Великихъ Государей указу и по подписной челобитной за помѣтою думнаго нашего дьяка Ивана Горохова велено той пустыне быть особо по прежнему и дана была имъ наша Государская грамота. Іюля въ 29 день били челомъ имъ Великимъ Государемъ Вепревы пустыни черной попъ Деонисей да бывшей казначей два старца по имянно и вся братія да три человѣка служекъ что втой пустынѣ строители были часто перемѣненные пьющіе и братья была схожая и жили самовольственно не по монастырскому чину и иночеству пили и бражничали и церковь Божія стояла у нихъ безъ пѣнія и отъ того ихъ самовольственнаго жительства монастырь истощился и раззорился а они-де старинные жители и обѣщальники жили у нихъ во всякомъ тѣсненіи и поругательствѣ да тѣ-же де строители и схожая братья пропився бродили по миру съ иконами и деньги сбирали обманомъ будто на церковное строеніе и тѣ деньги пропивали на кабацахъ и отъ того пьянства многіе строители и старцы померли и о томъ ихъ нерадѣніи и пьянствѣ многіе сторонніе люди монастырскою вотчинною землею, пашнями и сѣнными покосы и всякими угоди владѣли безоброчно а нынѣ-де бьютъ челомъ имъ Великимъ Государемъ той пустыни крестьяне стакався не со многими людьми ложно на Даниловскаго Архимандрита съ братьею напрасно хотя жить собою самовольственно безначалу и въ не повиновеніи по прежнему и имъ Великимъ Государемъ пожаловать-бы ихъ не велѣть крестьянскому ложному и затѣйному челобитью и напрасной огласкѣ повѣрить а велѣть той Вепревой пустынѣ быть за Даниловымъ монастыремъ въ приписи по прежнему а послѣ того Вепрева-жъ монастыря казначей старецъ Никита да старцы Филаретъ, Моисей, Іоакимъ, Герасимъ, Никифоръ и вся братья да три человѣка служки да деревни Дертниковъ староста Андрюшка Васильевъ и всѣ крестьяне били челомъ имъ Великимъ Государемъ о припискѣ де тоѣ ихъ Вепревы пустыни къ Данилову монастырю. Въ 190 году Даниловской стряпчей подалъ составную воровскую челобитную и въ той челобитной имена ихъ написаны заочно а они де такой

челобитной писать и рукъ прикладывать невѣливали и въ Вепревѣ де монастырѣ церковь Божія безъ пѣнія никогда не бываетъ и литоргію Божію служатъ по вся дни и чтобъ тому ложному и составному челобитью не вѣрить, а велѣти-бы тому монастырю быть по прежнему особо и по помѣтѣ на челобитной ихъ думнаго нашего дьяка Ѳедора Шакловитова велено тому монастырю быть особо по прежнему буде на передъ того особо быть велено и во 191 году били челомъ имъ Великимъ Государемъ Данилова монастыря Архимандритъ Варѳоломей съ братьею что въ Вепревѣ пустынѣ прежніе строители и братья пили и бражничали и жили неблагочинно и церковь Божія стояла безъ пѣнія, а они де тое пустыне и въ ней церковь новук построили и чтобъ той пустынѣ быть въ приписи къ Данилову монастырю по прежнему и во 191-мъ же году по нашему Великихъ Государей указу велено той Вепревой пустынѣ быть особо жъ да во 193 году февраля 6 день били челомъ имъ Великимъ Государемъ Вепревы-жъ пустыни казначей старецъ Никита съ братьею да крестьяне по имяномъ шесть человѣкъ съ товарищи по челобитью де той пустыни пришлыхъ де старцевъ отъ смутнаго времени къ Данилову монастырю вѣдать не велѣно и нынѣ де они отъ частоперемѣнныхъ и отъ непостоянныхъ и пьющихъ строителей раззоряются совсѣмъ и церковь Божія стоитъ безъ пѣнія и они безъ церковнаго пѣнія и безъ потребы бываютъ по многое время и какъ де та пустынь была въ приписи у Данилова монастыря и радѣніемъ властей церковь Божія была съ пѣніемъ непрестанно и строители постоянные и въ братствѣ благочиніе по монастырскому чину и отъ сторонъ монастырю и вотчинамъ оборонъ и имъ Великимъ Государемъ пожаловати-бы ихъ велѣть по имянному брата нашего Государскаго блаженные памяти Великаго Государя указу той пустынѣ къ Данилову монастырю быть въ приписи по прежнему. А Вепревы пустыни строитель старецъ Петръ, казначей Лаврентей съ братьею да служки Парѳемко съ товарищи и всѣ крестьяне били челомъ имъ Великимъ Государемъ въ прошломъ де 7051 году приказали быть Вепревъ монастырь въ Горицкой монастырь совсѣмъ и в кладной у нихъ въ Горицкомъ монастырѣ написано велѣно строить и кормить и беречь и владѣть Горицкаго монастыря властемъ, а нынѣ-де тотъ ихъ монастырь особнякомъ, а строить ево некому, хлѣба и животины нѣтъ, а около монастыря ограда обвалилась а братьи четыре человѣка и всѣ пришлые и церковь Божія стоитъ безъ пѣнія, а служба бываетъ како священника изъ Горицъ-

каго монастыря власти пришлютъ, а отъ сторонъ де имъ обиды и налоги большіе и чтобъ тотъ ихъ Вепревъ монастырь со всѣмъ и съ вотчиною по вкладной ихъ приписать къ Горицкому монастырю по прежнему и во 191 же году февраля въ 19 день били челомъ имъ Великимъ Государемъ той-же пустыни старцы Іосиєъ да Капитонъ что де строитель старецъ Петръ живучи въ той пустынѣ пилъ и бражничалъ и всякое безчинство чинилъ и за вину на патріаршемъ десятильничьѣ дворѣ въ смиреніи былъ и видя свою вину онъ строитель Петръ приставъ Горицкаго монастыря къ Архимандриту и составилъ заручную челобитную чтобы тоѣ пустыню приписать къ Горицкому монастырю и та де пустыня за Горицкимъ монастыремъ въ приписке никогда небывала и чтобъ тому ево строителеву составному челобитью не вѣрить и той пустынѣ за Горицкимъ монастыремъ въ приписке не быть да февраля въ 10 да 12-хъ числѣхъ били челомъ имъ Великимъ Государемъ Вепревы пустыни казначей Никита съ братьею и крестьяне Ивашко Тимоѳеевъ съ товарыщи да разныхъ чиновъ вкладчики Вепрева де пустыня со крестьяны и со всѣми уподьи по имянному указу брата нашего государскаго блаженныя памяти Великаго Государя приписана ввотчину къ Данилову монастырю и во 190 году по челобитью той пустыни пришлыхъ бродячихъ старцевъ отъ смутнаго времени къ Данилову монастырю вѣдать не велѣно и послѣ де приписи та пустыня отъ часто неремѣнныхъ и пьющихъ строителей раззоряется совсѣмъ и церковь Божія стоитъ безъ пѣнія, а они безъ потребы бываютъ по многое время а какъ де та пустыня была у Данилова монастыря въ приписи и радѣніемъ де властей церковь Божія была съ пѣніемъ непрестанно и строители были постоянные и въ братьѣ было благочиніе по монастырскому чину и имъ Великимъ Государемъ пожаловати-бы ихъ велѣть той пустынѣ за Даниловымъ монастыремъ быть въ приписи по прежнему да къ тому своему челобитью вкладчики приложили руки Василій Змеевъ, Мелентей Лупандинъ, вмѣсто брата своего Максима, Лука Щединовъ, Иванъ Поливановъ, Иванъ Щединовъ и вмѣсто Андрея Кушникова Михайло Редриковъ, Петръ Волчковъ, Дмитрій Радышевской, на челобитныхъ ихъ помѣты думныхъ нашихъ дьяковъ Данила Полянскаго, Емельяна Украинцова Мы Великіе Государи пожаловали велѣли тому монастырю быть за Даниловымъ монастыремъ въ приписи по прежнему и по тому нашему Великихъ Государей указу та Вепрева пустыня къ Данилову монастырю приписана и отказана во 193 же годѣ по

отказнымъ книгамъ Переславскаго площаднаго подъячего Сеньки Игнатьева Вепрева монастыря вотчинныхъ крестьянъ къ Данилову монастырю отказано тридцать одинъ дворъ да къ селцу Дертникамъ приписано въ пашню пустошь что была деревня Алагузово Кривая слободка да монастырскихъ шестнадцать пустошей да пять вочинниковъ по дачамъ и по писцовымъ и межевымъ книгамъ и по крѣпостямъ съ пашнею и съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всѣми угоди какъ на передъ сего владѣли прежніе строители да на рѣкѣ на Ремже полмельницы съ Никицкимъ монастыремъ берутъ пополамъ и во 194 да въ нынѣшнемъ во 195 годѣхъ били челомъ имъ Великимъ Государемъ Горицкаго Данилова монастырей Архимандриты Гурій да Варѳоломей, а въ челобитной Горицкаго монастыря написано въ прошломъ-де 7051 году дали въ домъ Пречистой Богородицы въ Вепревъ монастырь село Гнѣздилово да село Кривую слободку къ ихъ монастырскимъ старымъ селамъ и деревнямъ, а Вепревъ монастырь и крестьянъ приказали ведать Горицкаго монастыря Архимандритомъ съ братьею и по той де даной Вепревъ монастырь за Горицкимъ монастыремъ былъ много время и особнякомъ, а въ прошломъ де во 193 году марта въ 7 день того Вепрева монастыря казначей старецъ Леврентей съ братьею и служки и вотчинные крестьяне подали имъ приговоръ свой за руками и въ приказѣ Большого дворца били челомъ что у нихъ монастырь раззорился бесостатку и крестьянамъ отъ сторонъ налоги и обиды чинятся большіе, а монастырь строить и крестьянъ отъ сторонъ оберегать некому и чтобъ тому Вепреву монастырю быть по прежнему за Горицкимъ монастыремъ, а Данилова де монастыря Архимандритъ Варѳоломей съ братьею челобитную о томъ чтобъ Вепреву монастырю за ихъ Даниловымъ монастыремъ быть написали заочно и то челобитье оспорено и имъ Великимъ Государемъ пожаловати ихъ велѣть тому Вепреву монастырю по прежней даной и по челобитью того монастыря казначея съ братьею и служекъ и вотчинныхъ крестьянъ и по приговору ихъ быть за Горицкимъ монастыремъ а въ даной и въ приговорѣ каковы тово монастыря стряпчей Кузьма Закрюковъ подалъ написано въ даной 7051 гожъ году Князь Дмитріева княжна Ѳедоровича Марѳа да прикащики Великаго Князя Бояринъ Юрья Ѳедоровичъ Шеинъ да казначей Иванъ Ивановъ сынъ Третьяковъ по приказу и по духовнымъ грамотамъ матери еѣ Ивановы жены Андреевича Алены да брата своего Ивана Ивановича дала ко Пречистой на Вепрь ихъ богомолью ихъ же отчину село Гнѣз-

дилово а въ немъ церковь Пятница Великая да село Кривую слоботку къ ихъ монастырскимъ старымъ селамъ и деревнямъ, а монастырь Пречистой домъ да Николы Чудотворца састарыми селы и съ новыми и съ деревнями приказала Горицкому Архимандриту Ѳерапонту или кто по немъ иный Архимандритъ будетъ вѣдать ему беречь и покоить с тѣхъ селъ игумена съ братьею и поминать имъ души и родители ихъ во вѣки покамѣсть Пречистой домъ стоитъ а даную писалъ Семенъ Васильевъ сынъ Баскаковъ у подлинной даной приложены три печати да назади писано а строки слиняли прочесть нельзя да приложены руки Богоявленскаго игумена Киприяна да Архангельскаго протопопа Симеона а въ приговорѣ написано во 193 году марта въ 7 день Вепрева монастыря казначей старецъ Лаврентей, черной попъ Зосимъ да два старца по имяномъ и вся братья да служекъ два человѣка да вотчинные крестьяне деревни Дертниковъ староста Андрюшка Васильевъ да крестьянъ тридцать человѣкъ приговорили бить челомъ Великимъ Государемъ чтобъ Вепреву монастырю къ Данилову монастырю въ приписныхъ нынѣ и впредь не быть потому что имъ Данилова монастыря Архимандрита Варѳоломея и отъ братьи и отъ служебниковъ и отъ крестьянъ налога большая и разоренье да въ нынѣшнемъ во 195 году октября въ 1 день били челомъ имъ Великимъ Государемъ Данилова монастыря Архимандритъ Варѳоломей збратьею по нынѣшнему де государскому указу и по грамотамъ Вепрева пустынь со крестьяны приписана къ Данилову в вотчину и переписные книги въ Москвѣ въ приказъ Большаго дворца присланы а нашей де государской жалованной грамоты на ту приписную Вепреву пустыню имъ не дано и имъ Великимъ Государемъ пожаловати бъ ихъ велѣть на ту приписную Вепреву пустыню дать нашу государскую жалованную грамоту почему имъ тою пустынею впредь владѣть и мы Великіе Государи Цари и Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичъ Петръ Алексѣевичъ и Великая Государыня Благовѣрная Царевна и Великая Княжна Софія Алексѣевна всея великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцы слушавъ о томъ докладной выписки въ комнатѣ Живоначальныя Троицы Данилова монастыря Архимандрита Варѳоломея збратьею пожаловали велѣли той Вепревѣ пустынѣ со крестьяны и съ пашнею и съ лѣсы и со всѣми угодьи быть въ приписи къ Данилову монастырю по прежнему. Помѣта о томъ на докладной выпискѣ думнаго нашего дьяка Ѳедора Шакловитова и по нашему Великихъ Государей указу тою Вепревою пустынею со крестьяны и всѣми угодьи

Данилова монастыря Архимандриту Варѳоломею збратьею и кто по нихъ въ томъ монастырѣ иные архимандриты и братья впредь будутъ владѣти по сей нашей государской жалованной грамотѣ, а крестьяны и съ пашнею и сенными покосы и лѣсы и всякими угодьи по писцовымъ и по переписнымъ и по отказнымъ книгамъ и по крѣпостямъ во вѣки неподвижно и тоѣ Вепреву пустыню строить и во всѣмъ оберегать противъ такихъ иныхъ приписныхъ монастырей. Дана сія наша государская жалованная грамота въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта 7195 (1687) году февраля въ 28 день.

Дьякъ Грйгорій Постниковъ.

Пошлинъ по уложенію и скрѣпой же 3 рубли взято. Въ книгу записана.

На оборотѣ грамоты: Великіе Государи Цари и Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ и Великая Государыня Благовѣрная Царевна и Великая Княжна Софія Алексѣевна всея великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцы.

Справилъ Пашка Шапкинъ *).

Внутренній бытъ и образъ жизни братьи Вепревой пустыни въ XVII вѣкѣ, до приписки ея къ Данилову монастырю, когда, по словамъ приведенной нами выше грамоты, братья монастыря жила «не по монастырскому чину и иноческу, пили и бражничали и церковь Божія стояла безъ пѣнія» и «монастырь строить и крестьянъ отъ сторонъ оберегать—было некому», оставилъ по себѣ память среди мѣстнаго населенія, слѣды которой сохранились и по настоящее время въ народной пѣсни, записанной въ 60-хъ годахъ въ Колягинскомъ погостѣ на р. Нерли, той же Карашской волости, на границѣ Владимірской губерніи. Пѣснь эта слѣдующая:

«Вечеръ дѣвки пивоварничали,
Пришелъ къ дѣушкамъ не званный гость,
Старикъ со пустыни Вепревой,
Стали дѣвки перешептываться,
Съ глазу на глазъ перемигиваться,
Чѣмъ гостя подчивать:
Коя въ щоку, коя за волосы,
Черезъ столъ тащатъ, волоса трещатъ
Черезъ скамью дали тасканину,

*) Грамота писана мельчайшею скорописью XVII в. на толстой александрійской бумагѣ, съ прекрасными золоченными заставками. Длина грамоты 64, ширина 44½ сантиметра.

А по полу дали топанину,
А по сѣничкамъ вѣничкомъ метутъ,
А по двору кубаремъ, кубаремъ,
Подъ воротнею борзымъ кобелемъ,
А по улицѣ добрымъ молодцемъ».

II.

«БРАТЬЯ СБРОДИЧИ».

(Мѣстная быль).

Ростовскій князь Семенъ Юрьевичъ-Голенинъ, по прозвищу Ворона, имѣлъ дочь княжну Ѳеодору, которая была помолвлена за Ростовскаго намѣстника, князя Василія Юрьевича Шемяку-Косова Галичскаго. По нѣкоторымъ, однако, обстоятельствамъ у князя Семена Юрьевича возникла съ Косымъ великая ссора и князь Семенъ отказалъ Косому въ рукѣ своей дочери. По отъѣздѣ же Шемяки въ Москву, князь Ворона, въ его отсутствіе, выдалъ свою дочь за престарѣлаго Ростовскаго князя Ивана Андреевича Брюхатаго [1]). Княжна Ѳеодора выходила за Брюхатаго противъ желанія, такъ какъ женихъ былъ старъ, безобразенъ, имѣлъ огромное брюхо (отъ чего и получилъ свое прозвище) да притомъ же въ семьѣ у стараго князя не было недостатка, такъ какъ она состояла изъ 2-хъ сыновей и семи внучатъ, всѣхъ уже женатыхъ. Какъ-бы то ни было, но старый князь Иванъ, ставъ мужемъ красивой княжны, переѣхалъ съ ней для житья въ одну изъ своихъ вотчинъ, на берегу р. Ишни, близъ «Чернаго омута» [2]). Одолѣваемый ревностью, князь Иванъ сталъ держать молодую жену подъ великимъ присмотромъ и неослабнымъ надзоромъ своей старой клюшницы Мамоновны. Между тѣмъ Шемяка, по пріѣздѣ въ Ростовъ, узнавъ, что бракъ произошелъ противъ воли княжны Ѳеодоры, пришелъ въ ужасный гнѣвъ и твердо рѣшилъ во что-бы ни стало добыть молодую княгиню.

Призвавъ къ себѣ своего дядьку, князя Дмитрія Дмитріевича Пріимкова [3]), онъ съ прискорбіемъ объявилъ ему о невзгодѣ своей и просилъ его придумать, какъ бы добыть княгиню Ѳеодору. Для Пріимкова, какъ и для Шемяки, не было ни-

---

[1]) Князь Иванъ Андреевичъ Брюхатый, старшій сынъ кн. Андрея Александровича Ростовскаго, жилъ въ XV в. и оставилъ 2-хъ сыновей: кн. Андрея и кн. Александра Хохолковыхъ.

[2]) Гдѣ нынѣ с. Демьяны, въ 3 верстахъ отъ Ростова.

[3]) Въ этомъ разсказѣ есть нѣкоторая разница въ княжескихъ именахъ и даже отчасти въ хронологіи, но мы оставляемъ согласно рукописи. (Прим. А. Я. Артынова).

чего завѣтнаго на землѣ, такъ какъ первый честностью не отличался и всѣ клятвы свои писалъ на водѣ. Не приказавъ князю Василью особенно печалиться, онъ обѣщалъ ему доставить княгиню Ѳеодору живую или мертвую. Разставшись съ княземъ Васильемъ, кн. Пріимковъ тотчасъ-же поѣхалъ къ братьямъ сбродичамъ, жившимъ въ вотчинѣ на берегу р. Устья-[1]), въ Сбродичевомъ теремѣ, по которому они и получили прозвище. Эти молодцы были вѣрные исполнители всѣхъ разбойническихъ подвиговъ Шемяки.

Князь Дмитрій Дмитріевичъ строго на-строго наказалъ братьямъ добыть во чтобы то ни стало для князя Василья княгиню Ѳеодору. На общемъ совѣтѣ князей, братьевъ-сбродичей положено было украсть у князя Ивана Брюхатого жену, а теремъ его разграбить до-чиста. Всѣ семь братьевъ заявили желаніе послужить для князя Василья вѣрой и правдой и поклялись не выдавать другъ друга ни словомъ, ни дѣломъ, причемъ старшій изъ братьевъ сказалъ: «Хорошо придумалъ князь (Василій Шемяка) украсть княгиню Ѳеодору. Куда старику такая красивая баба, въ пору ему и со своимъ брюхомъ, какъ роженицѣ на спосѣ возиться! Дерево-то онъ срубилъ не по себѣ, пара она не ему, а развѣ его внучатамъ—Петру, да Андрею Катырямъ [2]), у тѣхъ бабенки-то не добре ражи; да и ей покажется-ли старикъ послѣ нашего князя; теперь, я думаю, она и спитъ и видитъ побывать-бы еще хоть разокъ въ нашей «ржи Княжей» [3]), куда насилу заманили ее, а отъ того насилу уговорили ее выйдти. Правду говорятъ: «на нищаго кошель со слезами надѣваютъ, а назадъ и семерымъ съ него не стащить». Ну, да ладно! Не убивайся княгиня наша, поживи пока со старикомъ, подожди немного, будетъ и на твоей улицѣ праздникъ!»

Черезъ нѣкоторое время всѣ семеро князей—сбродичей на-

---

[1]) Вотчина эта была близъ села Семибратова, гдѣ теперь дер Бородино. В. И Лѣствицынъ пишетъ. «При томъ селѣ (Семибратовѣ), на рубежѣ между князьями Гвоздевыми и Пріимковыми жили «семь братій сбродичей», сыновья князя Василья Косова-Третьяка Андреевича, прославившагося въ ту пору княжескихъ междоусобій своимъ забубеннымъ характеромъ. Похожденія ихъ послужили основаніемъ для сказки «о семи Семіонахъ родныхъ братьяхъ». (Поѣздка на Археологическій Съѣздъ, стр. 20-я).

[2]) Князья Петръ и Андрей Ивановичи Катыревы, жившіе въ XVI в., приходились правнуками князю Ивану Брюхатому, такъ какъ были сыновья внука его, кн. Ивана Андреевича Катыря (боярина (1532—1543 годовъ).

[3]) С Воржа, Ростовскаго уѣзда,—вотчина Шемяки, гдѣ онъ творилъ разныя безчинства См Ростовскій уѣздъ, А. Титова, стр. 102-я.

рядились каждый особо: кто купцомъ, кто знахаремъ, а кто—кузнецомъ, плотникомъ или угольщикомъ Подъ вечеръ, по одиночкѣ, разными путями, пришли они въ Черный Омутъ къ изукрашенному терему князя Ивана-Брюхатаго. Приходя, каждый изъ братьевъ сказывался кто работникомъ, пришедшимъ наняться, кто кузнецомъ, кто прохожимъ и, выпросясь на ночлегъ, размѣстились по холопскимъ избамъ. Только старшій изъ братьевъ, по прозванью Рюма-Выжлецъ, пріѣхавъ на парѣ вороныхъ жеребцовъ, выдалъ себя за богатаго заморскаго купца, гостиной сотни молодца, со всякими заморскими товарами, и вмѣстѣ съ прикащикомъ—своимъ братомъ, по прозванью Утиная Лапа, помѣстился за хорошую плату у крайчаго старика князя. По утру рано Рюма Выжлецъ послалъ Утиную Лапу въ дѣтинецъ княжій къ домоправительницѣ Мамоновнѣ, чтобы поклониться ей подаркомъ и попросить ее заложить слово князю Ивану и молодой его княгинѣ о заморскомъ гостѣ съ различными заморскими товарами. Принявъ подарокъ, Мамоновна наговорила князю Ивану съ три короба про заморскаго купца, и добилась того, чтобы допустить заморскаго купца съ товарами въ дѣтинецъ княжій, куда пришла и сама княгиня Ѳеодора посмотрѣть на заморскіе товары съ цѣлой толпой сѣнныхъ дѣвокъ Рюма-Выжлецъ, изъ приказчика принявъ видъ знахаря, едва узналъ рѣзвую и веселую княгиню. Больно ужь похудѣла княгиня и имѣла удрученный и печальный видъ; весь дѣтинецъ княжій приписывалъ порчѣ. Князь Иванъ обрадовался пріѣзду заморскаго купца, такъ какъ думалъ, по совѣту Мамоновны, утѣшить свою княгиню покупкой ей заморскихъ бархатовъ, самоцвѣтныхъ биссеровъ, жемчуговъ и вальящатныхъ рясенъ съ монистами, а потому и дозволилъ ей покупать все, чего только она не пожелаетъ.

Заморскій гость сталъ показывать свои товары княгинѣ и Мамоновнѣ. Послѣдняя охала и дивилась, но сама княгиня мало любовалась товарами: ничто ей не было мило, да и не до нарядовъ ей самой было, когда передъ ней постоянно находился постылый старикъ—мужъ.

Разсматривая съ Мамоновной бисера, княгиня случайно взглянула въ сторону, гдѣ стоялъ прикащикъ заморскаго гостя, Утиная Лапа, окруженный сѣнными дѣвками, съ которыми онъ что-то разговаривалъ. Увидѣвъ его, княгиня спросила у Мамоновны: «Что тамъ дѣлается»? На что та отвѣтила ей, что тамъ знахарь какъ по книгѣ все сказываетъ, о чемъ кто его не спроситъ, и даже такъ говоритъ о будущемъ житьѣ-бытьѣ, что какъ въ руку кладетъ,—доброе и худое. Услышавъ это, княгиня сама пожелала узнать свою будущность и спро-

сила черезъ Мамоновну, можетъ-ли знахарь сказать ей что-нибудь о будущемъ. Утиная Лапа съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ ей, что можетъ и скажетъ ей всю правду—истину.

Послѣ этого Мамоновна подвела знахаря къ княгинѣ, гдѣ онъ, по приказу ея, сталъ дѣлать предварительно разныя премудрости и затѣмъ заявилъ, что ему необходимо нужно гадать надъ хлѣбомъ съ солью и водой съ углемъ, и что тогда только онъ можетъ сказать всю правду—истину о будущей судьбѣ княгини. Когда ему были доставлены требуемые предметы, то онъ, послѣ различныхъ своихъ мудреныхъ обрядовъ, сказалъ княгинѣ, смотрѣвшей съ любопытствомъ на его искусство, что гадать ей такъ, какъ прочимъ, никакъ невозможно, потому что на нее злой глазъ напустилъ смертельную тоску, а потому прежде чѣмъ гадать, надобно снять съ нея эту порчу и сказать кто это сдѣлалъ, но сказать это можно только наединѣ, съ глазу на глазъ, безъ всякаго посторонняго человѣка. На это условіе княгиня хотѣла согласиться, но Мамоновна побоялась безъ приказа князя оставить одну княгиню съ чужимъ человѣкомъ, да еще съ лихимъ кудесникомъ съ глазу на глазъ. Знахарь-же сталъ утверждать, что снять съ княгини порчу можно только тогда, когда мужъ объ этомъ не будетъ ни знать, ни вѣдать. Однако и это не помогло: Мамоновна отказала на отрѣзъ. Видя такое упорство старухи, знахарь потребовалъ нитку съ иглой, которую и воткнулъ въ кусокъ хлѣба, предварительно густо посоливъ его, и, поднявъ кусокъ ниткой надъ водой и угломъ, долго смотрѣлъ въ раздумьи какъ-бы на колебаніе куска хлѣба. Затѣмъ знахарь сказалъ княгинѣ, что можно ему гадать и при Мамоновнѣ, но что это будетъ сопряжено съ великой опасностью собственно только для него, а если въ это время постороннее третье лицо услышитъ хоть одно слово его, тогда онъ погибъ безвозвратно, также, что если Мамоновна услышитъ хотя одно слово, то сразу оглохнетъ и ослѣпнетъ и нападутъ на нее всѣ черныя и лихія немочи на вѣки вѣчныя. При этомъ онъ сказалъ, что, пренебрегая собственною жизнію для такой милостивой княгини, онъ рѣшится и на эту для него опасность, если только Мамоновна согласится зажать крѣпко на крѣпко уши, чтобы не услышать рокового его слова. Княгиня стала упрашивать Мамоновну зажать крѣпко на крѣпко уши и старуха согласилась, зная, что при ней незнакомый молодецъ ничего сдѣлать худого съ княгиней не можетъ и что вмѣстѣ съ тѣмъ она исполнитъ приказъ старика-князя не выпускать и не оставлять одну княгиню. Послѣ этого

приготовленія къ такому страшному дѣлу, знахарь приказалъ какъ купцу съ заморскими товарами, такъ и всѣмъ сѣннымъ дѣвкамъ удалиться, а оставаться въ хоромахъ только одной Мамоновнѣ и то у дверей съ замкнутыми на крѣпко ушами.

Княгиня съ любопытствомъ смотрѣла на всѣ приготовленія знахаря, а тотъ, увидя, что Мамоновна строго исполняетъ его приказанія, подошелъ къ княгинѣ и тихо сталъ говорить ей: «Княгиня, я и купецъ—изъ братьевъ-сбродичей, да и остальные братья всѣ здѣсь на лицо; мы присланы къ тебѣ отъ князя Василья Юрьевича съ челобитьемъ, и велѣно намъ сказать тебѣ, что онъ больно по тебѣ соскучился и затомѣлъ: ни ѣстъ, ни пьетъ, точно на ладанъ дышетъ; позволишь—можешь съ нимъ видѣться, не позволишь—такъ уйдемъ; не откажи, княгиня, а то этимъ сдѣлаешь ему назолу великую, а можетъ быть и смерть причинишь». Княгиня въ отвѣтъ на эти слова Утиной Лапы сказала, что она на все согласна. Тогда знахарь сталъ учить ее, что говорить ей мужу: «скажи-де ты старику своему, что ты понесла отъ него въ утробѣ своей и захотѣлось тебѣ откушать мяса дикаго вепря, убитаго отъ его руки и проводи его на это полеванье до городскаго вашего терема *), гдѣ и останься дожидаться его возвращенія съ полеванья; а тамъ ужѣ наше дѣло выручить тебя изъ такой неволи и напасти». Княгиня обѣщала все это сдѣлать, лишь-бы только избавиться отъ стараго нелюбимаго мужа, и смѣялась въ душѣ на то, какъ будетъ говорить князю объ утробѣ своей, въ которой она понесла уже раньше отъ Шемяки „во ржи княжей“. Мамоновна, увидя смѣющуюся и веселую княгиню, отъ радости забыла всѣ наказы знахаря и закричала громко: «Чуръ меня, чуръ меня!», ототкнула уши и, не чувствуя на себѣ ни черной, —ни лихой немочи, оставшись здрава и невредима, вопреки всѣмъ угрозамъ знахаря, стала смѣяться вмѣстѣ съ княгиней. Такимъ гаданьемъ остались всѣ довольны. Веселая княгиня, на радостяхъ о полученіи такой вѣсти отъ князя Василья, закупила чуть не всѣ товары московскаго гостя и одарила ими всѣхъ, начиная съ Мамоновны —до дѣвки Чернявки.

Послѣ этого веселая княгиня Ѳеодора пошла въ садъ и

---

*) Теремъ князя Брюхатаго въ Ростовѣ, по преданію, стоялъ на пути къ Молочной горкѣ, приблизительно около теперешняго вокзала Московско-Ярославской желѣзной дороги.

Библиотека

стала качаться на качеляхъ, а сѣнныхъ дѣвокъ заставила пѣть веселыя пѣсни, а когда настала ночь то она на ложѣ своемъ сообщила старику-мужу, что она понесла отъ него въ утробѣ своей и желаетъ добре откушать мяса дикаго вепря, имъ самимъ для нея убитаго. Князь Иванъ, услыхавъ отъ княгини такую вѣсть, весьма возрадовался, а болѣе того радъ былъ, что княгиня его стала теперь весела и ласкова къ нему, чего до сего времени ни разу не бывало. На радостяхъ онъ обѣщалъ самъ убить для нея дикаго вепря и, кромѣ того, подарилъ ей вотчину, лежащую по обѣ стороны рѣки Нерли Цѣлыхъ два дня прошло у князя Ивана въ сборахъ на полеванье. Снѣди, питья и другихъ предметовъ былъ приготовленъ цѣлый обозъ; наконецъ, на третье утро, по пути къ Ростову двинулся княжій поѣздъ, занявъ собой не малое пространство. Князь Иванъ впереди обоза ѣхалъ въ колымагѣ со своей молодой княгиней. Послѣ такого чуднаго гаданья княгиню Ѳеодору нельзя было даже узнать: она сдѣлалась веселою, бѣгала, пѣла и играла со своими близкими, а старика своего супруга, еслибъ не толстое его брюхо, кажется, готова была-бы носить на рукахъ; все это время она была неразлучна съ нимъ ни на часъ. Отъ такой перемѣны жены князь не зналъ чѣмъ угодить ей и, если-бы не толщина и старые годы, онъ самъ былъ бы не прочь пѣть пѣсни и рѣзвиться вмѣстѣ съ ней. Подневавши и отдохнувши въ городѣ, князь Иванъ поѣхалъ со своими слугами и обозомъ на веселое полеванье на крутые берега и тихія заводи рѣки Нерли, гдѣ издревле былъ водъ дикихъ вепрей и любимое мѣсто охоты Ростовскихъ князей.

Сколько горючихъ слезъ пролила княгиня Ѳеодора на разставаньи со своимъ супругомъ и, если-бы она, по ея словамъ, не понесла во утробѣ своей, то и сама поѣхала-бы съ нимъ вмѣстѣ на полеванье, но вмѣсто этого она обѣщала растроганному князю съѣздить въ соборъ и поставить тамъ большую свѣчу и служить молебны о его здоровьѣ, ѣздить по обителямъ и молиться о немъ день и ночь.

По отъѣздѣ князя Ивана на полеванье княгиня, подъ видомъ благочестія, на самомъ дѣлѣ нарядясь въ цвѣтное платье, поѣхала въ колымагѣ въ соборъ на условленное свиданіе съ княземъ Василіемъ Шемякой. На пути туда, только что повернула колымагу «въ Ладонную слободку», какъ, напротивъ собора у самаго вала, откуда ни возьмись, ей попался Исидоръ-Твердисловъ, Христа-ради юродивый, который, по обычаю

своего юродства, прилучился около этого мѣста. Онъ всталъ на пути предъ колымагой, остановилъ коней и велѣлъ ѣхать княгинѣ обратно прямо въ теремъ на Черный Омутъ, предвѣщая ей въ городѣ неизбѣжную бѣду и совѣтовалъ сидѣть въ теремѣ смирно до пріѣзда мужа, говоря, что тамъ будетъ все гладь, да Божья благодать. Видя, что Ѳеодора на его слова не обращаетъ никакого вниманія и велитъ ѣхать возницѣ прямо къ собору, Исидоръ сталъ гнѣваться и громко кричать, чтобы она ѣхала на Черный Омутъ Наконецъ, когда юродивому и это не помогло уклонить княгиню отъ пути ея, тогда онъ еще громче сталъ кричать: „Куда ты, Ворона, летишь, тамъ Васька Косой пожретъ тебя съ твоимъ дѣтищемъ!»

Юродивый кричалъ громко и кромѣ этого останавливалъ колымагу. Княгиня, разсердясь наконецъ, велѣла прогнать Исидора и ѣхать къ собору. Тогда Исидоръ сталъ различно ругать ее и поносить Шемякой, а также сталъ кидать въ калымагу грязью и черепицами.

Такой крикъ юродиваго и киданье грязью въ колымагу княжью собрали много народа, который почиталъ юродиваго, какъ святаго, а потому никто не смѣлъ наложить руку свою на Твердислова, считая это за великій грѣхъ. Княгинѣ Ѳеодорѣ сдѣлалось стыдно и она велѣла возницѣ вернуться обратно домой въ свой городской теремъ, а Исидоръ долго бѣжалъ за ней и громко кричалъ: «Не туда, не туда! а на Черный Омутъ!» Такъ было въ Ростовѣ, но не такъ было на полеванье. Долго князь Иванъ ѣздилъ со своими охотниками по берегамъ Акутина озера, гдѣ во множествѣ въ то время водились вепри, но къ несчастью ихъ тутъ не оказалось. Ѣздилъ много по берегамъ рѣки Пахны, проѣхалъ до береговъ рѣки Сары, былъ на озерахъ: Черномъ, Чашницкомъ и Годеновскомъ, доѣхалъ даже и до Осоевскаго, но нигдѣ даже не нашелъ и слѣдовъ вепрей, точно они всѣ сквозь землю провалились. Поѣхалъ князь Иванъ къ Сахотскому болоту, но, какъ на зло, и тамъ ни одного вепря не нашелъ.

Наконецъ, по утру на четвертый день, встрѣтилъ старикъ князь желаннаго вепря, на берегу круглаго озера близъ рѣки Нерли, у самаго устья впадающаго тутъ ручья, на томъ самомъ мѣстѣ своей земли, которую онъ незадолго до этого подарилъ княгинѣ Ѳеодорѣ. Вепрь вышелъ къ ручью изъ неприступной трущобы утолить свою жажду. Князь тотчасъ со своей свитой окружилъ его и безъ особеннаго труда и опас-

ности убилъ. Съ радости началась веселая пирушка, которой и завершилось это полеванье.

Мѣсто, гдѣ убитъ былъ вепрь, на память будущимъ родамъ, князь приказалъ по обычаю окопать глубокимъ рвомъ и довольный своей побѣдой поѣхалъ съ добычей въ Ростовъ, гдѣ хотѣла дождаться его возвращенія княгиня Ѳеодора.

Въ первую-же ночь, по отъѣздѣ князя Ивана на полеванье, на Ростовскій его теремъ напалъ князь Василій-Шемяка, съ братьями—сбродичами; изъ холоповъ княжьихъ нѣкоторыхъ убили, другихъ-же связали, а теремъ весь разграбили, унеся съ собой все, что только могли захватить. Самъ-же Шемяка увезъ съ собой и княгиню Ѳеодору въ потайной свой теремъ, «что во ржи», гдѣ она, утѣшаясь съ Шемякой, скоро забыла свой насильный бракъ съ княземъ Иваномъ-Брюхатымъ.

Убоясь мщенія отъ князя Ивана, Шемяка на другой день съ тѣми-же братьями-сбродичами отправилъ княгиню Ѳеодору въ городъ Галичъ, гдѣ на берегу Галичкаго озера въ дремучемъ лѣсу стоялъ его теремъ, гдѣ онъ и помѣстилъ княгиню Ѳеодору, къ которой сталъ ѣздить часто изъ Ростова. Вернувшись въ Ростовъ и увидя такое прискорбное зрѣлище, князь Иванъ пришелъ въ великую печаль, да и было отъ чего опечалиться: домъ разграбленъ, слуги избиты и княгиня увезена. Погоревавъ, князь Иванъ немедля отправилъ вѣрныхъ слугъ за поисками княгини, подозрѣвая въ этомъ дѣлѣ Шемяку. Къ крайней, однако, печали князя разосланные имъ тайные и явные соглядатаи выслѣдили во всѣхъ Шемякиныхъ притонахъ и нигдѣ не открыли слѣдовъ княгини Ѳеодоры.

Время раскрыло связь Ѳеодоры съ Шемякой и въ Новѣ-Городѣ Великомъ на «Волотовомъ полѣ», близь могилы старѣйшины новгородскаго Гостомысла, куда была потомъ отвезена Шемякой княгиня Ѳеодора, она родила сына Юрія, котораго тамъ и воспитала. По смерти Шемяки княгиня Ѳеодора возвратилась въ Ростовъ и на мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ княземъ Иваномъ вепрь, основала обитель и назвала оную «Вепрева пустынь». Въ этой пустынѣ княгиня была по смерти погребена. Незаконный сынъ княгини Ѳеодоры отъ князя Василія Шемяки — Юрій, возмужавши, пошелъ,какъ гласитъ преданіе, по слѣдамъ отца. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ ушкунниковъ Новгородскихъ, между которыми былъ извѣстенъ подъ именемъ «Толстаго кола», по учиненному имъ еще въ молодыхъ лѣтахъ подвигу: когда однажды, онъ, не успѣвъ схватить меча, толстымъ коломъ прогналъ цѣлый отрядъ враговъ отъ Нова-Города. Потомъ онъ

ста ѣ промышлять удальствомъ по рѣкамъ: Пашѣ, Свири, Тихвинкѣ, а иногда даже выходилъ рѣками —Саминкой, Горюномъ, Чагодой и Мологой въ рѣку Волгу.

Извлечено изъ Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей.

Печатано съ разрѣшенія г. Ярославскаго Губернатора.

1887 г. Типографія Губернскаго Правленія.